

ГЕРБЕРТ ГУВЕР В КИТАЕ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОЧЕВИДЦА И УЧАСТНИКА ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Предметом исследования стала часть биографии Герберта Гувера, 31-го президента США, связанная с его трехлетним пребыванием в Китае в качестве горного инженера и совпавшая по времени с крупным историческим событием – восстанием «Боксеров». Сделан вывод о том, что именно этот период оказал решающее влияние на его личностное становление и профессиональный рост.

Ключевые слова: биография; президент США; Г. Гувер.

Герберт Кларк Гувер – 31-й президент США (1929–1933), был по специальности горным инженером и до ухода в «большую политику» добился немалых успехов на профессиональном поприще. Получив диплом бакалавра геологии Стэнфордского университета в 1895 г., он одно время работал уборщиком породы в компании «Reward Gold Mine», а затем – в сан-францисском офисе известного горного инженера Льюиса Джанина (Louis Janin). В 1897 г. Международная британская золотодобывающая компания «Bewick, Moreing and Company» попросила Джанина найти для них американского инженера, желательно – молодого специалиста, который мог бы научить их сотрудников калифорнийскому методу добычи золота в новом районе добычи этого драгоценного металла – Кулгарди (Coolgardie), на Австралийском континенте. Джанин рекомендовал им кандидатуру 23-летнего Гувера. Молодой инженер приобрел в Австралии бесценный опыт самостоятельной работы в качестве геолога и менеджера.

Когда двухлетний период пребывания Гувера в Австралии подходил к концу, ему довольно неожиданно поступило еще одно предложение о продолжении его инженерной карьеры – на этот раз от китайского правительства. Китайские компании нуждались в услугах молодого, перспективного, способного горного инженера, который мог бы принять участие в программе по разработке природных ресурсов. Официальные лица страны перевернули весь мир в поисках нужного человека – они нашли Герберта Гувера и предложили ему контракт стоимостью 20 тыс. долл. ежегодно, включая все расходы [2. С. 36]. Безусловно, значительную роль в этом повороте судьбы Г. Гувера сыграл один из главных компаньонов его фирмы-работодателя в Австралии – Чарльз Моринг (Charles Moreing), собственник, с визита которого в 1898 г. в Пекин все и началось. Именно Ч. Моринг в результате многочисленных переговоров с представителями деловых и политических кругов Поднебесной империи (прежде всего – правительства страны, а также концерна «Chinese Engineering and Mining Company», принадлежащего в основном китайской стороне, но управлявшегося европейскими специалистами и при участии французского, бельгийского, английского и германского капиталов) пришел к выводу, что молодой инженер может существенно поспособствовать продвижению экономических и финансовых интересов фирмы в Китае, и предоставил Гуверу шанс «продвинуться по службе» и как следствие существенно повысить свой заработок.

Гувер многое приобрел во время своей работы в Австралии. Введенные им методы работали безотказно. Необходимое оборудование было заказано. Фактически у

него не было необходимости здесь оставаться [3. С. 65]. Предстоящий крутой поворот судьбы подвигнул Гувера к радикальным изменениям в собственной личной жизни. В конце 1898 г. он отправил телеграмму своей невесте Лу Генри в Калифорнию: изложив свои мысли по поводу предстоящей поездки в Китай, Герберт предлагал ей выйти за него замуж, звал ее с собой и предлагал решить вопрос о предстоящей свадьбе до отъезда. Она ответила согласием. Вскоре, в начале 1899 г., Г. Гувер вернулся в Соединенные Штаты (после поездки в Лондон, где были уточнены все детали его предстоящей работы), где 10 февраля состоялась его свадьба с Лу Генри в Монтеррее, штат Калифорния.

Лу Генри, решившая принять квакерскую веру, хотела, чтобы свадьба была проведена по квакерским канонам, но это было невозможно из-за того, что в этой части Калифорнии собрания квакеров не проводились, а именно они были основным элементом церемонии. Поскольку протестантского священника в этот момент в городе не было (он отлучился куда-то по делам), то удалось договориться о том, чтобы церемония была проведена старым другом семьи Лу Генри, католическим священником. На следующий день 24-летний Г. Гувер с супругой отплыли на корабле в Китай, куда прибыли несколько недель спустя, в марте 1899 г. С собой в дорогу они взяли для изучения «стандартный набор» книг в качестве руководства по обычаям и истории Китая. Прибыв в Пекин, Гувер встретился с главой концерна «Chinese Engineering and Mining Company» Чанг Ен-Мао (Chang Yen-Mao), и после длительных переговоров с ним и его советниками – европейскими и китайскими – было решено, что местом проживания Гуверов станет город Тяньцзин (Tientsin) и что Герберту предстоит подобрать весь штат необходимых ему работников. В Китае Гувер был одновременно как резидентом правительства страны (в качестве главного инженера вышеназванного концерна в двух провинциях), так и представителем компании «Bewick, Moreing and Company». Главной задачей концерна было строительство незамерзающего порта Чинвангтао (Chinwangtao), соединенного железной дорогой с основным районом угледобычи, а также открытие новых месторождений.

Прибыв в Тяньцзин, Гуверы сняли домик в специальном поселении для иностранцев. Лу Генри Гувер постаралась обставить его мебелью и сделать уютным, насколько это было возможно в здешних условиях. Герберту приходилось часто бывать в командировках, и Лу Генри в его отсутствие начала со свойственной ей решимостью осваивать китайский язык (по мнению Г. Гувера, «самый сложный язык в мире»), в чем пре-

успела гораздо больше супруга, выучившего за все время пребывания в Китае, по его собственному признанию, «не более сотни слов». Помогал ей в этом учитель-китаец, занятия с которым Лу никогда не пропускала, когда находилась дома.

В ходе одной из деловых встреч Чанг Ен-Мао высказал пожелание, по-видимому, исходившее от правительства страны, о том, чтобы Гувер и его сотрудники «открыли в Китае крупное, богатое месторождение золота и на его примере показали, как можно достичь значительной прибыли». Гувер возразил, что Китаю в первую очередь необходимы сталь, железо, уголь, цинк, медь, свинец и другие металлы для промышленного производства, но китаец настойчиво предложил ему попытаться найти золото в одном из районов страны – Джехол (Jehol). Гуверу пришлось организовать полномасштабную экспедицию – район предполагаемого поиска находился в 150 милях от ближайшей железной дороги. Для передвижения самого Гувера, его коллеги Вильсона и переводчика (крайне некомпетентного, не знавшего большинства технических терминов, за что американцы грубовато прозвали его «Really Damn») были оседланы три лошадки-пони. В составе экспедиции были мальчишка-китаец, управлявший несколькими грузовыми мулами, а также повар. Часть пути из Тяньцзина предстояло проделать на поезде, и в дороге Гувер познакомился с мистером Тонгом Шао-И (Tong Shao-Yi), генеральным директором Северных железных дорог Китая. С этим интеллигентным, просвещенным китайцем, выпускником Колумбийского университета, Гувер будет дружен на протяжении многих лет. Тонг Шао-И рассказал Гуверу, что главным создателем «Chinese Engineering and Mining Company» был его дядя, ныне покойный, и что его семья является одним из крупнейших акционеров концерна, а генеральный директор Чанг Ен-Мао – коррупционный ставленник придворной камарильи – возглавил концерн в результате дворцовых интриг и ныне «успешно способствовал» его разграблению. Это многое прояснило для молодого специалиста.

От станции экспедицию сопровождали 200 китайских кавалеристов во главе с двумя десятками офицеров, в ее составе значительно добавилось слуг-грумов и носильщиков. Эта кавалькада просто не могла передвигаться со скоростью быстрее 20 миль в день. В бытовом плане путешествие было ужасным. Гувер вспоминает, что их с Вильсоном буквально одолевали клопы и пауки, и выход был найден лишь тогда, когда они додумались ставить ножки своих раскладушек (походных кроватей) в кастрюли с водой... Единственным плюсом затянувшегося на неделю похода Гувер называет возможность почитать, поскольку он взял с собой дешевые, в мягком бумажном переплете, книги французских авторов – Бальзака, Дюма, Золя, Гюго, Монтеня и Руссо.

Когда экспедиция прибыла на место, ее встретила огромная, по выражению Гувера, «кажущаяся многотысячной» толпа местных жителей. По-видимому, они никогда до этого не видели иностранцев, у которых, как им сказали, «голубые глаза, способные видеть сквозь землю и находить золото». Каждый из толпы норовил подобраться к иностранцам и убедиться, что их глаза действительно голубые, и это своеобразное «расследование», по выражению Гувера, «несколько

смущало» их с Вильсоном. Но даже такое необычное «оборудование», как синие глаза иностранцев, не смогли обнаружить здесь богатого месторождения [1]. Чтобы не «потерять лицо», местному управляющему пришлось сказать, что они могут доложить о своих наблюдениях только непосредственному начальству, в Пекин. Возвращение на станцию заняло два дня вместо прежних семи.

Подобных неудачных экспедиций, связанных с коллекционированием Чанг Ен-Мао слухов о «золотых месторождениях» то в одной, то в другой провинции страны – от Маньчжурии до пустыни Гоби, было достаточно много. Порой они длились более двух месяцев. Попутно производились геологические исследования, удавалось находить подтверждение наличия залежей свинца, меди и других металлов. «Эти поездки по стране, – вспоминал впоследствии Г. Гувер, – давали мне не только уникальную возможность наблюдать за жизнью простых китайцев, деятельностью правительства, но и счастливую возможность тратить больше времени на чтение» [2. С. 47]. Среди прочитанных в этот период книг – труды по истории Китая, экономике, социологии, а также беллетристика, сочинения Конфуция, Платона и Шекспира, поэзия Шиллера и Гете и другие достойные пытливого внимания молодого инженера книги. Некоторые из своих поездок того времени Гувер описывает с неподдельным интересом: например, визит в Ургу, столицу «степной Монголии», или поездку в гости к Хутукту-Ламе (Hutuktu Lama), согласно представлениям буддистов, являющимся «живым воплощением Будды», который встретил их, катаясь во дворе своей резиденции на велосипеде, а затем удивил еще раз – прослушиванием грампластинок с русскими песнями и музыкой при помощи патефона, подаренного русским консулом.

Большое впечатление на Гувера также произвела деятельность американской религиозной миссии в Калгане, неподалеку от Великой китайской стены, которую он посетил в ходе одной из своих командировок. Миссионеры – числом около дюжины, включая детей, – бескорыстно обучали и лечили местное население, и внутри здания их миссии соответственно находились лечебница, классы для учебных занятий и жилые помещения. Поскольку Гувер прибыл сюда под Рождество, то он был приглашен на рождественский ужин, главным блюдом которого стала привычная для американца, но довольно экзотичная здесь индейка.

Среди вещей, доставленных миссионерам для нужд местного населения из Америки, неожиданно обнаружили четыре потрепанных мяча для американского футбола. Настоятельница миссии пожаловалась Гуверу, что она не представляет, что делать с этими мячами, на что последний ответил, что если будет обеспечено достаточное количество желающих, он готов выступить в качестве инструктора (тренера). Желающих научить невиданной «заморской игре» детей и подростков набралось около трехсот! Гувер для начала разметил поле, разъяснил будущим участникам правила игры, показал некоторые ее приемы, и на снегу началась невероятная по масштабам и азарту спортивная баталия, в которой с двух сторон участвовало по полторы сотни «футболистов»! Навыки менеджера Стэн-

фордской команды по американскому футболу неожиданно для него самого пригодились Гуверу здесь, почти у самого подножия Великой китайской стены.

Когда началось печально знаменитое «восстание Боксеров», жизнь миссионеров подверглась серьезной угрозе, и им пришлось пересечь пустыню Гоби, чтобы укрыться на российской территории, перейдя границу. И только когда все успокоилось, миссионерам удалось вернуться назад. Таким образом, наше повествование подошло к невероятно насыщенному драматическими событиями периоду пребывания в стране Герберта и Лу Генри, очевидцами и участниками которых им пришлось невольно стать. Г. Гувер отмечал в своих «Мемуарах»: «Двое 26-летних мирных американцев стали свидетелями исторических событий, не только изменивших их жизнь, но и предоставивших им возможность рассказывать об участии в них «до конца своих дней» [2. С. 47]. Действительно, спустя примерно год после прибытия четы Гуверов в Китай здесь началось очень крупное восстание, возглавляемое религиозной сектой «ихэтуань». Сделаем небольшое отступление с тем, чтобы лучше представить себе подоплеку тех событий, в самый центр которых довелось угодить чете Гуверов по прибытии в страну. Итак, краткая историческая справка о том, что же происходило в Китае на рубеже XIX–XX вв.

К концу XIX столетия происходило усиление наплыва иностранцев в Китай. Попытки китайцев сопротивляться неизбежному были сломаны грубой силой. В двух «опиумных» войнах правительство Поднебесной потерпело унижительное поражение и было вынуждено «открыть» страну. Китаю были навязаны неравноправные договоры, не только дозволявшие свободную торговлю, но и вводившие режим экстерриториальности иностранцев и свободу миссионерской деятельности. Императорские реформы по «модернизации страны» не пользовались у народа особой популярностью – Гувер отметил это в своих «Мемуарах», подчеркнув, что «западные идеи больше не были настолько популярны» [2. С. 37]. В конце века простые китайцы страдали от войн, стихийных бедствий (в 1885 г. река Хуанхэ сменила русло и потекла через провинцию Шаньдун, что привело к сильным наводнениям и гибели множества людей), повышения налогов и нехватки продовольствия. Иностранцы же все больше преуспевали и богатели, вызывая ненависть нищающего населения. На глазах буквально одного поколения в стране произошли драматические изменения: застывший уклад жизни рушился под напором нового. В христианство обращались тысячи и тысячи китайцев, по всем направлениям прокладывались телеграфные линии и железные дороги. Как следствие подобной «культурной революции» в Китае возникла ксенофобная реакция против засилья «заморских дьяволов» [4].

Наибольшей популярностью пользовалось возникшее в Северном Китае религиозно-мистическое общество «Кулак, поднятый во имя мира и справедливости» («Ихэцюань»). С 1898 г. общество, до этого момента действовавшее в глубоком подполье, начинает формирование вооруженных отрядов, называемых «Дружинами мира и справедливости» (ихэтуань). С начала 1899 г. ихэтуани стали контролировать значительную часть провинции Шаньдун [5. С. 316–317]. Его при-

верженцы верили, что ношение амулетов и разучивание приемов кулачного боя (оттуда и название) сделают их неуязвимыми перед пулями европейцев. Главным предметом ненависти для «боксеров», прозванных так англичанами, стали миссионеры и новообращенные христиане. Восстание «боксеров» началось под лозунгами уничтожения христианства – в защиту исконных верований китайцев. «Боксеры» вырезали всех крестившихся, сжигали церкви, уничтожали железнодорожные пути и перерезали телеграфные линии. Их лидеры не выступали против династии Цинь, а напротив, утверждали, что хотят помочь ей скинуть ненавистное заграничное иго.

Вплоть до конца мая 1900 г. вожди ихэтуаней, теребя от иностранцев покинуть страну, не предпринимали в их отношении решительных действий (к этому моменту погиб, да и то скорее случайно, лишь один иностранный миссионер). В мае–июне 1900 г. с отрядами повстанцев, подошедших к Пекину, объединились правительственные войска, а правящая императрица Цы Си объявила им о своем одобрении. 14 июня 1900 г. несколько десятков тысяч повстанцев вступили в Пекин и Тяньцзин. Находившийся вблизи столицы Китая посольский квартал был осажден, немецкий посол убит. Западные державы 17 июня заняли форты Дагу и повели наступление на Тяньцзин. Спустя 4 дня императрица Цы Си подписала указ об объявлении войны 8 державам, участвовавшим в интервенции: Германии, Японии, Англии, США, России, Франции, Италии и Австро-Венгрии [5. С. 319]. Бои в районе Тяньцзина продолжались более месяца, только 14 июля западным «интервентам» удалось полностью овладеть городом. Внимание всего мира было приковано к Пекину, где горстка иностранцев, имея на руках женщин и детей, с малым количеством оружия и небольшой охраной из регулярных войск 56 дней отбивала атаку за атакой озверелой толпы.

Первая попытка сводного отряда из имевшихся в Китае подразделений под командованием английского адмирала Сеймура прорваться к Пекину и вызвать осажденных провалилась. Лишь в августе международная экспедиция, костяк которой составили русские войска генерала Линевица, пробилась к столице и спасла иностранцев [4]. После взятия Пекина 15 августа 1900 г. командующий международными силами германский фельдмаршал Вальдерзее направил карательные экспедиции в различные районы Северного Китая. Вскоре «восстание Боксеров» было окончательно подавлено.

Теперь мы видим, в центре событий какого масштаба, связанных с риском для жизни, довелось побывать Герберту и Лу Генри Гуверам. Кстати, в уже неоднократно упоминавшихся «Мемуарах» Гувер демонстрирует блестящее знание китайской внутренней политики того периода, вплоть до нюансов дворцовых интриг [2. С. 37–38]. Пик восстания пришелся на июнь 1900 г., и чета Гуверов вместе с сотнями семей других иностранцев фактически оказались в ловушке, окруженные отрядами повстанцев. В «иностранном квартале» Тяньцзина они находились под защитой лишь горстки военных.

Очень подробно в воспоминаниях Г. Гувера описаны события 10 июня, когда все иностранцы были разбужены

звуками артиллерийского и ружейного огня, раздававшегося совсем неподалеку от городка. Вскоре здесь появилась группа офицеров-иностранцев, сообщивших, что некоторые из их коллег были убиты повстанцами, а сами они покинули расположение китайских правительственных войск из-за их неспособности противостоять наступавшим «Боксерам». Над «поселением иностранцев» звучал набат, и все его обитатели, по воспоминаниям очевидцев, «готовились к худшему». Никакие регулярные войска не обороняли Тяньцзинь. Здесь было только около 1100 военных моряков и морских пехотинцев из разных стран, двигавшихся на Пекин из расположенного в 60 милях от Тяньцзиня порта Таку. Этот отряд, практически оставшийся без артиллерии, кроме двух небольших пушек, и имевший на вооружении лишь несколько современных винтовок, был разбит 25-тысячным войском повстанцев и отступил к Тяньцзину. Их «боевой дух» был сломлен и, благодаря усилиям нескольких офицеров, держался лишь на страхе наказания.

Жителям «иностранного квартала» пришлось самим сплотиться перед лицом реальной угрозы. Командование принял на себя русский офицер, имевший самое высшее воинское звание среди остальных, полковник Вогак (Colonel Wogack), объединивший под своим началом германских, французских, японских, американских и итальянских офицеров и подчиненные им войска (только британцы, не признавая его главенства, по-прежнему подчинялись лишь своему командующему – капитану Бейли).

Зная об инженерных навыках Гувера, Вогак обратился к нему с просьбой о строительстве баррикад вокруг поселения. Для их постройки были привлечены (по меркам военного времени – «мобилизованы») китайцы-христиане, также укрывавшиеся в «иностранном городке» от повстанцев, и в том числе те, кто работал на Гувера. Поселение было примерно в милю длиной и четверть мили шириной, с одной стороны его окружала река. Баррикады были быстро построены из подручных материалов, и это оказалось очень вовремя: на второй день после их постройки поселение иностранцев было атаковано ихэтуанями. Самым безопасным местом был центр городка, и несколько семей американцев перебрались сюда, в наиболее прочное здание, которое занимал высокопоставленный служащий таможи Эдвард Дрю (Edward Drew), любезно пригласивший соотечественников укрыться у него дома. Почти все слуги-китайцы к этому времени уже сбежали от своих хозяев-иностранцев, но парочка оставшихся обеспечила «временный переезд» семьи Гуверов в их новое убежище.

Главной опасностью были массированные артиллерийские обстрелы, обрушившиеся на поселение иностранцев. Гувер указывает в «Мемуарах» на масштабы этой угрозы: по его подсчетам, повстанческие войска выпустили по городку около 60 тыс. снарядов. Он вспоминает, что оборонявшимися вскоре была найдена защита от пуль и снарядов – они прятались у подножия баррикад (в своеобразную «мертвую зону», недоступную для обстрела), что позволяло даже урвать несколько мгновений для сна.

Итак, Гуверы оказались в самом центре событий, связанных с обороной городка, превратившегося, по сути, в военное укрепление наподобие форта. Помимо

сооружения баррикад, Герберт внес определенный вклад в оборону поселения, вступив в отряд «пожарников». Кроме того, им были организованы поставки воды и продовольствия для примерно 500–600 китайцев-«антибоксеров» (в том числе Чанг Ен-Мао и Тонг Шао-И с семьями), нашедших убежище рядом с иностранцами. Множество иностранцев – как военных, так и гражданских лиц – получили в ходе описываемых событий различные ранения. Вместе с тем среди осажденных в Тяньцзине были только два врача – военный и гражданский – и одна медсестра. Полковник Вогак приказал превратить поселковый клуб в госпиталь, в котором раненые располагались прямо на полу. Лу Генри стала в этом госпитале добровольным помощником-волонтером, и Герберт на протяжении долгого времени практически не видел ее дома – она появлялась здесь лишь для того, чтобы поесть и немного отдохнуть. Миссис Гувер ездила по городку на своем велосипеде, одна из шин которого была однажды пробита пулей во время обстрела. Лу Генри, кстати, удалось договориться о доставке в импровизированный «госпиталь» молока для раненых, а также она иногда готовила им еду.

В ходе событий среди части осажденных начала нарастать истерия, выразившаяся, в частности, в том, что однажды толпа возбужденных людей арестовала укрывавшихся в поселении китайцев (за мнимое «пособничество» повстанцам) и организовала какое-то подобие «судилища» над ними, причем председательствующим стал уже упоминавшийся британский капитан Бейли. Когда Гувер узнал об этом, он ворвался в помещение «суда» и потребовал освободить неповинных людей (часть из них, как ему рассказали, уже втропях была казнена на берегу реки), но Бейли выпроводил его прочь. Дело спасло обращение Гувера к полковнику Вогаку: тот, правильно оценив ситуацию, тут же явился к капитану Бейли со взводом солдат и приказал отпустить китайцев, что и было немедленно сделано. Среди «спасенных» было немало гуверовских сотрудников; можно только представить степень их благодарности «боссу» за его решительные действия, предотвратившие их возможную гибель.

В ходе одного из артобстрелов снаряды повстанцев угодили в здание, находившееся через дорогу от дома Гуверов, где жила семья Тонг Шао-И. Его жена и ребенок погибли, одна из дочерей была серьезно ранена. Гувер, безусловно рискуя, т.к. артобстрел продолжался, вместе с одним из коллег бросился в полуразрушенный дом. Он вынес на руках одну из дочерей Тонг Шао-И и увел всю семью через дорогу, к себе домой, где Лу Генри стала лечить получивших ранения и контуженных детей. Спасенную им девочку Гувер случайно встретит 18 лет спустя на одном из дипломатических приемов в Вашингтоне – она станет женой одного из китайских министров (Mrs. Koo) – и при встрече, выразив глубокую благодарность, напомним ему о событиях, связанных с осадой Тяньцзина. Позднее, в период президентской кампании 1928 г., Г. Гувер запретит узнавшим об этой истории журналистам использовать ее в целях политической рекламы, что лишний раз подтверждает факт его поразительной скромности. Таким образом, в этих сложных условиях Гувер полностью

выполнил свое предназначение, продемонстрировав незаурядную смелость и стойкий характер. Лу Генри также показала все свое хладнокровие и отвагу. На фотографии той поры она в элегантном белом платье и изящной шляпке позирует на фоне внушительного артиллерийского орудия.

Осада продолжалась около месяца. Рассуждая о тех событиях, участником которых ему довелось стать, Гувер подчеркивает тот факт, что это «не было сражением двух армий». С одной стороны, находились в основном гражданские люди, включая женщин и детей, а с другой – орды фанатиков численностью в несколько десятков тысяч, вооруженные самым современным оружием. Безусловно, если бы не несколько сот солдат и офицеров «из полудюжины иностранных государств», жители иностранного поселения Тяньцзина были обречены на неминуемую гибель. Но, кроме того, отмечает Гувер, на их стороне было два важных преимущества: взаимовыручка и «более высокая степень интеллекта» [2. С. 52]. Осажденные в своем «форпосте» иностранцы, несмотря на каждодневную смертельную опасность, как правило, «занимались необходимым делом», не занимая себя бесполезными мыслями или дискуссиями. Впрочем, не все были так хладнокровны; так, Гувер вспоминает об одном «ужасном человеке», которому непременно хотелось узнать, предпочтет ли Герберт первым застрелить свою жену, если мятежники все же ворвутся в их поселение.

Спустя примерно две недели после начала осады на помощь жителям «иностранного поселения» Тяньцзина прорвались несколько сот американских морских пехотинцев и валлийских стрелков. У них было несколько орудий и пулеметов, так что все, отмечает Гувер, «стали чувствовать себя значительно лучше». Но вскоре мятежники вновь сомкнули кольцо осады и продолжили яростно атаковать поселение. К концу июля появилась возможность эвакуировать из Тяньцзина гражданских лиц, прежде всего женщин и детей, отправив их вниз по реке в более безопасное место, но несколько женщин, включая Лу Генри, отказались покинуть свой пост, поскольку часть раненых была «нетранспортабельна».

Когда к поселению подошел новый крупный отряд американских морских пехотинцев, сил стало достаточно, чтобы самим предпринять атакующие действия против мятежников, укрывшихся за старыми городскими стенами. Гувер, неплохо знавший местность, вызвался исполнять обязанности «топограф-консультанта» при командующем морскими пехотинцами полковнике Уоллере. Когда мятежники открыли огонь, Гувер почувствовал страх, усугублявшийся тем обстоятельством, что у него не было оружия. Несколько находившихся рядом бойцов получили ранения, и Гувер попросил дать ему оружие одного из них. Получив винтовку, Гувер заметно приободрился, хотя ему и не пришлось стрелять.

Вместе с войсками прибыли несколько американских журналистов, и дом Гуверов всегда был открыт для них. Лу Генри обеспечивала журналистов питанием, а одного из них Гуверы даже разместили у себя дома. Это был поэт из Калифорнии, работавший репортером в одном из изданий медиумагната Херста, Жоакин Миллер. Он рвался освещать события, происходя-

щие в Пекине, но Гуверам удалось отговорить его от пока еще столь опасного путешествия. Кстати, сравнивая осаду Пекина с осадой Тяньцзина, Гувер отмечал, что хотя осада столицы продолжалась дольше, но у мятежников там не было современного вооружения, особенно артиллерии, и поэтому потери у осажденных в Пекине были небольшими.

То, что началось после захвата державами-интервентами основных промышленных центров Китая – шахт, месторождений, портов и т.п., Гувер комментирует как «возможность для каждого поучаствовать в большом грабеже». Все были уверены, что Китай будет расчленен «великими державами». Гувер считал, что в ситуации возникшего хаоса он не сможет дальше выполнять свои функции, и «засобирался в Америку». Но уже в начале августа Чанг Ен-Мао и его советник Детеринг уведомили Гувера о том, что акционеры «Chinese Engineering and Mining Company» намерены сохранить свою собственность в стране, преобразовав концерн с помощью «Bewick, Moreing and Company» в британскую корпорацию.

Как агенту этой компании Гуверу предстояло стать ее полномочным представителем в должности генерального менеджера. Эта работа требовала гораздо большей осведомленности в «больших финансах» и потребовала от Гувера выработки новых умений и навыков, чем инженерные. Гувер с супругой отбыли в Англию на корабле для подписания нового контракта. Путь лежал через Красное море и, видимо, был нелегким, поскольку Гувер отмечает в своих «Мемуарах», что, к сожалению, в то время «кондиционеры еще не были изобретены» [2. С. 54]. В Лондоне потребовалось время для проведения переговоров, изыскания новых финансовых средств для компании (были дополнительно привлечены инвесторы из Англии, Бельгии, Германии и других стран), выработки совместно с Морингом плана дальнейших действий. Лишь спустя несколько месяцев, когда мятеж был окончательно подавлен, Гуверы смогли вернуться в страну.

Возвращение в Китай получилось долгим: Гуверы добирались через Америку, сделав по пути остановку на несколько дней в Калифорнии, чтобы повидать родственников, и лишь в январе 1901 г. прибыли в Японию. Оставив супругу переждать здесь зиму, Герберт Гувер решил в компании с несколькими американскими и британскими офицерами добраться морем до порта Чинвангтао, откуда по железной дороге было легче попасть в Тяньцзин. Три дня штормовой качки не лучшим образом отразились на состоянии здоровья Гувера, к тому же в недостроенном порту пассажирам пришлось буквально прыгать в холодную воду, держа багаж на вытянутых руках. Портовые помещения, в которых путники намеревались передохнуть, оказались сожженными в ходе мятежа, а весь инженерный персонал отсутствовал, не успев вернуться после «бегства». Пришлось идти семь миль до ближайшей железнодорожной станции. Этот путь, проделанный в кромешной темноте, по мнению Гувера, «спас путешественников от пневмонии».

По пути Гувер постоянно встречал военных – таковы были реалии «после боксерского» Китая, оккупированного войсками одиннадцати государств, каждое из

которых намеревалось урвать себе «кусочек Поднебесной» или защищать здесь свои определенные «государственные интересы» [2. С. 57]. Интересы военных и промышленников в этот период максимально совпадали: и те и другие нуждались в восстановлении портов и железных дорог. Военным требовалось много угля и цемента, что обеспечивало необходимые объемы производства и сбыта для компании, в которой работал Гувер, достойно представлявший здесь интересы своей фирмы-работодателя. Поскольку Тяньцзинь был основательно разрушен, многое здесь предстояло начинать с нуля. В частности, не хватало продовольствия, и чтобы иметь в достатке молоко, Гуверу пришлось купить корову с теленком, а также нанять китайца, который бы за ними присматривал.

Гуверу в своей новой должности – генерального менеджера компании – прежде всего было необходимо установить масштаб ее материальных и финансовых потерь (в «Мемуарах» Гувером используется слово «ограбления» – грубоватое, но, по-видимому, достаточно реалистичное по сути), понесенных компанией в ходе военных действий держав-интервентов против повстанцев, а также определить порядок их возмещения. Каждой стороне – британцам, немцам, русским, японцам и другим – были выставлены соответствующие счета. Интересно, что расчеты осуществлялись в серебряных мексиканских долларах, имевших в то время активное хождение в Китае (один мексиканский доллар был равен примерно 50 американским центам). Российским военным, в частности, был отправлен счет на 700 тыс. мексиканских долларов за шахтное оборудование и уголь, переправленные несколькими поездами в ходе известных событий в Маньчжурию. Вскоре к Гуверу явился посредник, который заявил, что сможет вернуть компании требуемое, но за комиссионное вознаграждение в 150 тыс. мексиканских долларов. Ему было отказано, и вскоре он вернулся со всей суммой (и даже небольшим излишком) в серебряной монете, получив «излишек» за труды. Спустя несколько месяцев командующий русскими войсками в Маньчжурии предложил Гуверу и его компании выкупить у них все оборудование за 200 тыс. мексиканских долларов, что и было сделано.

Интересная ситуация сложилась с американским командованием. Выяснив, что именно американские войска были главными спасителями Гувера и его коллег, американцы посчитали это достаточным основанием для снижения суммы счета в 300 тыс. мексиканских долларов на 25%, и этот компромисс устроил обе стороны. Во время одной из своих поездок в Пекин Гувер неожиданно оказался вовлечен в забавную историю, в полной мере отражавшую атмосферу того времени в Китае. Однажды один из американских знакомых Гувера в Китае Джеймисон явился к нему в сопровождении британского полковника с просьбой выступить экспертом в одном «деликатном деле». Полковник командовал отрядом индийских военных, расквартированных в одном из знаменитых столичных храмов – Храме Небес. Им стало известно, что крыша одного из зданий храма, по слухам, была сделана из чистого золота и стоила 2 миллиона американских долларов. Британцы, по-видимому, надеялись каким-то образом вы-

везти ее из страны для продажи и в мечтах уже подсчитывали размер своего предстоящего «обогащения». Они сняли часть этой крыши и поместили ее в один из складов, куда и был приглашен Гувер для проведения «экспертизы». После осмотра действительно блестящей кровли храма Гуверу пришлось их разочаровать – крыша размером примерно в 20 квадратных футов была целиком сделана из меди (Гувер установил это, сделав соскребы при помощи обычного перочинного ножа), покрытой – причем только с одной из сторон – тончайшим слоем низкопробного золота, и оценочная стоимость этого «металлолома» не превышала 5 тыс. долларов. Когда эта история благодаря Джеймисону стала известна находившемуся в то время в Пекине журналисту «Нью-Йорк Сан» Чамберлину по прозвищу «Джерси» («Jersey» Chamberlin), он опубликовал статью под названием «Британцы все еще грабят», вызвавшую широкий международный резонанс. Дело дошло даже до суда военного трибунала, правда, результат его деятельности Гуверу так и остался неизвестен.

Одной из сложнейших задач этого периода было восстановление железных дорог (вначале «Боксерь», а затем и обычные окрестные крестьяне, пользуясь моментом, разобрали их до последней гайки, надеясь, что дефицитный в Китае металл рано или поздно «пригодится в хозяйстве» – те же гайки, к примеру, использовались в качестве груза для рыболовных сетей). Военным же срочно нужны были действующие железные дороги для переброски войск и полицейских частей, а промышленникам, в том числе и компании Гувера, – чтобы вывозить уголь из шахт. Выход был найден в том, чтобы материально заинтересовать тех же крестьян. Как вспоминает Гувер, им было предложено по 5 мексиканских долларов (и полное прощение их «грехов») за каждый рельс, и буквально в течение нескольких дней все железнодорожные пути были успешно восстановлены [2. С. 61].

Еще одной проблемой, с которой пришлось столкнуться Гуверу, был тот факт, что 6 тыс. из примерно 25 тыс. китайских рабочих, занятых в его компании, на самом деле были «мертвыми душами». Когда этот факт был установлен, кассиру пришлось давать объяснения. Выяснилось, что его зарплата – 50 мексиканских долларов в месяц, а чтобы получить эту работу, он дал взятку высокопоставленному китайскому сотруднику компании в размере 50 тыс. мексиканских долларов (точнее, должен был выплатить эту сумму в течение следующих трех лет, используя махинации с «лишними» рабочими). Кассир же пока отработал только один год, и Гуверу пришлось решать возникшую проблему с его «кредитором» как с применением китайских обычаев, так и при помощи «общечеловеческих законов».

В результате, чтобы упорядочить систему учета и оплаты труда, компанией Гувера были введены специальные медные таблички с номером работника, которые необходимо было сдавать, приходя на работу. Поскольку заработной платы рабочих не хватало даже на еду, Гувер в целях «экономического стимулирования», а также из «гуманных побуждений» поднял заработную плату китайских рабочих на 40% по сравнению с той, какую получали рабочие соответствующей квалификации в соседних городах. Это привело к тому, что про-

номерованные таблички («brass checks») сами по себе превратились в значительную ценность. Тем, кто искал работу, для ее получения теперь достаточно было просто купить табличку, цена которой постоянно росла и вскоре достигла размера месячной зарплаты. Теперь проблема компании стала заключаться в том, что таблички часто покупали неквалифицированные рабочие, что приводило к потере качества. Китайские «управленцы» видели выход только в понижении заработной платы, но, как пишет Гувер, «нам удалось решить эту проблему путем более эффективной идентификации рабочих» [2. С. 62].

Как уже отмечалось выше, главной задачей Гувера было превращать убыточные предприятия в успешные и перспективные, приносящие стабильную прибыль. Так, однажды всего за три месяца один из убыточных проектов был превращен в прибыльный с доходом в 150 тыс. мексиканских долларов в месяц. Это было достигнуто путем сокращения (в «Мемуарах» Гувером использован термин «хирургического отсечения») цепи агентов-посредников, получавших огромные прибыли спекулятивного характера. Фактически это были сверхсложные функции «кризисного управляющего», с которыми молодой специалист сразу же начал прекрасно справляться. Дела шли хорошо, бизнес расширился быстрыми темпами. Шахты и заводы были обеспечены новым оборудованием. Было завершено строительство угольного терминала в порту Чинвангтао, который теперь стал действовать круглогодично. На предприятиях

«Chinese Engineering and Mining Company» было задействовано значительное число американских специалистов, опробованы новые методы работы, обеспечившие значительную прибыль. Рыночная стоимость акций концерна выросла за этот период в пять раз.

Осенью 1901 г. лондонские работодатели Гувера сообщили ему, что контрольный пакет акций компании приобретен бельгийцами, которые направляют в Китай своего представителя для того, чтобы заменить там американских специалистов бельгийскими. Прибывший в Китай новый глава компании Эмиль Франскуи (Emile Francqui) уверил Гувера, что он может остаться здесь на той же должности, но после ряда переговоров и утверждения нового состава инженерно-технических работников – в основном бельгийцев – Гувер решил покинуть Китай и вернуться в Америку. Он сообщил о своем решении Морингу и вскоре получил от него телеграмму с предложением стать младшим компаньоном в «Bewick, Moreing and Company» [6]. По меткому выражению Г. Гувера, «мне было 27 лет, и я был в восторге от возможности выйти из Китая в большой инженерный мир» [2. С. 65]. Вскоре супруги покинули страну, отплыв на корабле в Англию. «Китайский» период биографии Гувера занял около трех лет (1899–1902 гг.) и оказал решающее влияние на его становление и профессиональный рост, формирование из молодого и перспективного инженера зрелого, высокопрофессионального специалиста с блестящими способностями к управлению как производственными процессами, так и финансами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Душенко К.В. Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин. 4-е изд., доп. М.: Эксмо, 2005.
2. Hoover Herbert Clark. Memoirs. Vol. 1: Years of Adventure: 1874–1920. N.Y.: The Macmillan Company, 1951.
3. Hinshaw David. Herbert Hoover: American Quaker. N.Y.: Farrar, Straus and Company, 1950.
4. Артемьев М. Войны – прежде и теперь. Режим доступа: http://www.russ.ru/politics/reakcii/vojny_prezhde_i_teper
5. Губер А.А., Хейфец А.Н. Новая история стран зарубежного Востока: Учеб. для пед. ин-тов. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1961.
6. Biographical Sketch of Herbert Hoover. 1874–1964. China. Herbert Hoover Presidential Library and Museum. Режим доступа: http://www.ecommcode.com/hoover/hooveronline/hoover_bio/china.htm

Статья представлена научной редакцией «История» 4 июня 2009 г.